

Глава 7

Ночной ветер врывается сквозь панорамное окно, которое так и осталось открытым; белый тюль то взмывал вверх, то опадал, принося в комнату зябкую свежесть.

Чэн Муюнь поднял голову и, прищурившись, взглянул на балкон, вдыхая доносившийся из сада аромат листвы. Затем он снова склонился над Цинь Ли, аккуратно поправил сбившиеся пряди на его лбу и медленно провел кончиками пальцев вниз — по переносице, по тонким губам, по четко очерченной линии челюсти.

В конце концов его ладонь замерла на шее мужчины.

[Стой! Прекрати!] — внезапно выкрикнула Система.

Муюнь никак не отреагировал, лишь слегка коснулся пальцами ключиц Цинь Ли.

«Чего ты так всполошилась?»

[Я уж подумала, вы его сейчас задушите, — Система буквально содрогалась от ужаса. — У вас в этот момент было лицо какого-то... маньяка-психопата...]

«С чего ты взяла, что я хочу его убить?»

[Ну как же... — пробормотала она. — Эта его фраза про то, что ваша улыбка портит сходство... Это ведь так унижительно. Даже если у вас нет сердца, вы должны были разозлиться, вспомнив такое]

«Нет, ты ошибаешься. Я совсем не злюсь. Это честная сделка. Посмотри, как он хорош собой. Красивым людям прощается всё. Разве на него можно гневаться?»

И это было чистой правдой: Муюнь не чувствовал ни капли обиды.

Цинь Ли был для него идеальным воплощением эстетического совершенства. И даже тогда, когда Чэн Муюнь еще не вернул себе память, он не принял те слова близко к сердцу.

Это случилось на третий год их контракта и спустя три месяца после того, как Муюнь стал личным ассистентом Цинь Ли. Тогда они еще не жили вместе. После очередного делового приема Муюнь отвозил босса домой.

Президент Цинь был сильно пьян. Будучи образцовым помощником, Муюнь довел его до спальни, помог умыться, передел в пижаму и уложил в постель.

Когда он уже собирался уходить, Цинь Ли посмотрел на него и, протянув руку, ущипнул Чэн Муюня за щеку, после чего негромко произнес:

— Когда ты улыбаешься, ты совсем на него не похож.

Муюнь на мгновение замер, мгновенно осознав смысл сказанного.

Он давно знал, что в сердце Цинь Ли живет образ первой любви, и понимал, что этот контракт — лишь попытка найти в нем чьи-то тени. Но его это не заботило. Каждый получал то, что хотел.

В ту секунду он лишь упрекнул себя в том, что недостаточно усердно исполняет условия сделки. Нужно было лучше изучить черты этого «белого лунного света». Раз уж взялся за работу — делай её с любовью.

Решив, что это будет справедливо по отношению к работодателю, Муюнь с того дня начал всерьез изучать «искусство идеального дублера».

Тщательно проанализировав характер и привычки босса, он пришел к выводу: внешнее сходство не так важно, как едва уловимые жесты и повадки.

Информации о Сун Цзинчэне у самого Цинь Ли было почти не найти, поэтому Муюнь разыскал аккаунты Юй Шаонина в социальных сетях. Там было полно старых фотографий и восторженных описаний их общего друга детства.

Так что шантаж Юй Шаонина теми снимками ничуть не задел Муюня. В конце концов, именно этот человек все эти годы был его главным информатором.

Теперь же Муюнь продолжал медленно обводить пальцами безупречный профиль спящего мужчины, отстраненно пересказывая Системе события тех лет.

[Вы... — Система замолчала, явно пребывая в шоке. — Вы просто пугающий человек]

«Благодарю за комплимент».

[!]

Возможно, это было своего рода возмездием, но внезапно мир вокруг Муюня перевернулся. Не успел он опомниться, как его рывком потащили на кровать. У Цинь Ли снова проснулись его пьяные привычки: в таком состоянии он становился невыносимо тактильным и обожал спать в обнимку, прижимая к себе человека так крепко, что становилось трудно дышать.

Муюнь попытался высвободиться, но его тут же прижали к матрасу. Собеседник обнаглел окончательно — он перекатился и навис сверху, удерживая его всем весом своего тела.

Расстояние между ними сократилось до предела: кончики носов соприкасались, а дыхание смешивалось.

«...»

Муюнь мысленно закатил глаза. Непонятно, на чем этот мужчина так отъелся, но силища у него была просто зверская.

— Почему ты молчишь? — пробормотал Цинь Ли. — Почему ты улыбался Юй Шаонину?

Муюнь ответил мягким, умиротворяющим голосом:

— Тише... В следующий раз не буду.

Этот тон, каким обычно успокаивают капризных детей, подействовал безотказно. Мужчина притих, и его хватка немного ослабла. Он долго и пристально всматривался в лицо Муюня; из-за густых ресниц его взгляд казался исполненным меланхолии и глубокой нежности.

— М-м-м...

Он тяжело, требовательно прильнул к губам Чэн Муюня, но после этого мимолетного касания замер.

Муюнь уже начал терять терпение и хотел было отвернуться, как вдруг услышал шепот:

— Улыбнись.

Тон праздного гуляки, забавляющегося с прелестной игрушкой. Муюнь нахмурился. Ему не нравился такой Цинь Ли — слишком живой, слишком настоящий.

Скука.

Впрочем, вид растрепанных волос на его лбу добавлял образу определенного шарма. Только ради этого зрелища Муюнь решил еще немного потерпеть. Он поднял руку и принялся ласково поглаживать босса по спине, ощущая под ладонью твердый рельеф мышц.

«Хм, сегодня он пропустил тренировку. Ради сохранения этой великолепной формы завтра нужно будет заставить его заниматься вдвое больше. Нельзя позволять ему расслабляться

только из-за того, что его драгоценный Цзинчэнь вернулся».

Муюнь предавался этим ленивым размышлениям до тех пор, пока хмель окончательно не одолел Цинь Ли. Тот навалился на него всей тяжестью, и спустя несколько секунд в тишине комнаты раздалось мерное дыхание.

Подождав еще немного, Муюнь аккуратно перекатил его на бок, поднялся и ушел в свою комнату.

Система, уже подготовившаяся к долгому созерцанию «цензурных помех», была крайне удивлена его возвращением.

[Что? Вы даже не остались с ним?]

«В этом нет никакого смысла. С пьяным всё равно ничего не выйдет, а спать в такой тесноте — только мучиться. Раздражает».

[...]

Сун Цзинчэнь спал плохо.

Комната на втором этаже была безупречно чистой, а мебель — той самой, которой он пользовался в юности. Но всё же это были старые вещи, и в воздухе витал едва уловимый дух заброшенности и пыли.

Лежа в постели, Цзинчэнь чувствовал себя мусором, который замели в темный угол памяти, и это ощущение было крайне неприятным.

Собственно, этот дискомфорт преследовал его с того самого момента, как вчера он увидел, с какой нежностью Чэн Муюнь поправлял волосы Цинь Ли.

Тот Цинь Ли, которого знал и помнил Цзинчэнь, был пылким, импульсивным юношей, полным жизни. И тот Цинь Ли никогда не позволял никому прикасаться к своим волосам. Даже Цзинчэню: он всегда с легким раздражением уклонялся, а после неловко извинялся.

Да, именно так он и говорил:

— Прости, Цзинчэнь. Тело само сработало, я не нарочно.

Так почему же теперь он с таким безразличием, с таким отсутствием всякой защиты позволял делать это другому?

Тревога не давала Сун Цзинчэню покоя. Несмотря на изнеможение после долгого перелета, он проснулся очень рано. Спустившись по лестнице, он направился к столовой и услышал доносившиеся из кухни звуки.

Чэн Муюнь готовил завтрак. Прошлой ночью ему пришлось потратить немало времени, чтобы успокоить вцепившегося в него Цинь Ли, так что в постель он попал лишь в три часа утра и, разумеется, встал позже обычного.

Цинь Ли не любил присутствия посторонних в своем доме. Уборкой занималась приходящая горничная, а в остальное время они оставались на вилле одни.

Муюнь открыл холодильник и заметил вчерашний сэндвич от Юй Шаонина. Идеальный вариант для завтрака: разогреть, сварить кофе — и готово.

— Ассистент Чэн, вы готовите завтрак?

Муюнь обернулся. Сун Цзинчэнь стоял в дверях в мягком домашнем костюме; под его глазами залегли тени — верный признак бессонной ночи.

— Господин Сун, вы предпочитаете латте или американо? — вежливо осведомился Муюнь.

Цзинчэнь мягко улыбнулся:

— Нет, спасибо, я не привык пить кофе по утрам. Сяо Ли... он теперь предпочитает западные завтраки?

Рука Муюня, державшая чашку, на мгновение замерла. Он хотел было ответить, но в его сознании внезапно развернулся виртуальный экран с текстом.

[Внимание: Ключевой сюжетный момент. Рекомендуется следовать сценарию]

Не меняясь в лице, он поставил чашку и быстро пробежался по своей роли. Итак, сейчас он должен был изящно продемонстрировать «истинному возлюбленному» свою близость к боссу и слегка задеть его.

— Хм, — Муюнь продолжил как ни в чем не бывало. — Я всегда сам готовлю для президента Циня. У него плотный график, поэтому питание должно быть сбалансированным.

Цзинчэнь, казалось, пропустил укол мимо ушей и с кроткой улыбкой предложил:

— Я неплохо готовлю. Помню, Сяо Ли обожал лапшу на завтрак. Может, я займусь этим?

Муюнь ответил резким отказом:

— В этом нет необходимости. Обычно президент Цинь завтракает сэндвичами и кофе, и он никогда не жаловался.

Цзинчэнь усмехнулся:

— Он просто не хочет обременять окружающих. Готовить полноценный завтрак по утрам хлопотно, вот он и довольствуется сэндвичами. Но в глубине души он наверняка мечтает о чем-то домашнем и горячем.

Его улыбка была безупречной, а слова — жалили не хуже змеи.

Муюнь нахмурился и, бросив короткое «как вам угодно», вышел из кухни с кофе и сэндвичем в руках.

Он уселся за стол, но не спешил приступить к еде.

[Что вы делаете?] — спросила Система.

«Жду, когда Цзинчэнь закончит. Кто в здравом уме станет жевать вчерашний бутерброд, когда на кухне готовят свежую лапшу?»

[...Вы так уверены, что он приготовит и на вашу долю?]

«Просто смотри».

Цинь Ли проснулся с тяжелой головой.

Плотные шторы в спальне были раздвинуты, и лишь легкая белая вуаль смягчала слепящий утренний свет. Очевидно, Муюнь уже заходил сюда.

Цинь Ли привык к такому деликатному пробуждению. Он сел, взял со столика стакан воды с лимоном и выпил его залпом, чувствуя, как сознание постепенно проясняется.

Вчера он изрядно перебрал, и воспоминания были туманными. Он смутно помнил, как искал Муюня, но проснулся в своей постели в одиночестве.

Значит, Муюнь ему отказал. Тот редко перечил ему, но в этот раз...

Юй Шаонин?

Та улыбка, которую Муюнь подарил директору... Цинь Ли не видел её уже целую вечность.

Чувство глухого недовольства шевельнулось в груди. Цинь Ли умывался с какой-то лихорадочной поспешностью, но, войдя в гардеробную, заставил себя замедлиться. Он надел заранее подготовленный костюм, тщательно застегнул пуговицы, поправил запонки и галстук, придиричиво осматривая себя в зеркале.

Этот человек ничем не напоминал прежнего Цинь Ли, который мог схватить первую попавшуюся вещь и выскочить за дверь за три минуты.

Несмотря на скверное настроение, он не мог нарушить заведенный ритуал.

Спустившись в столовую, он увидел ассистента: тот сидел за столом и пил кофе. Перед ним лежал сэндвич — холодный и совершенно неаппетитный.

Услышав шаги, Муюнь поднялся и отодвинул стул для босса.

Цинь Ли сел, но его взгляд сразу упал в мусорную корзину рядом со столом. Упаковка от сэндвича... логотип того самого клуба. Сопоставив это со вчерашней сценой на балконе, он мгновенно сделал вывод.

Этот сэндвич вчера дал Чэн Муюню Юй Шаонин.

Голова разболелась еще сильнее.

В этот момент из кухни вышел Сун Цзинчэнь, принеся с собой одуряющий аромат пряностей.

На нем был передник, в руках он держал две дымящиеся чаши с лапшой. Свет, падающий из окна, золотил его волосы. В Цзинчэне текла четверть иностранной крови, и на солнце его светлые волосы и глаза казались почти прозрачными.

Цинь Ли не смотрел на вошедшего — его взгляд был прикован к лапше. Густой, наваристый аромат моментально поднял ему настроение. По крайней мере, это выглядело куда лучше, чем этот несчастный бутерброд от Шаонина.

Морщинка между бровей мужчины разгладилась, а жесткая линия рта смягчилась. Муюнь внимательно следил за этой переменной. Он опустил глаза, уставившись в телефон с видом человека, глубоко уязвленного в своих лучших чувствах.

Он знал Цинь Ли как никто другой. За годы, проведенные рядом, он научился читать его без слов. Цинь Ли спустился в скверном расположении духа, и вид сэндвича только разозлил его, но стоило появиться Сун Цзинчэню, как гнев улетучился.

Сила истинной любви, не иначе.

Муюнь мысленно обратился к Системе: «А это ведь впечатляющее зрелище. Цзинчэнь действительно красавец. Жаль только, он совершенно не в моем вкусе, иначе я бы тоже не прочь был насладиться его обществом».

[Просто ведите себя как нормальный человек. Я уже устала это повторять]

— Сяо Ли, я помню, ты обожал лапшу с говядиной по утрам. Попробуешь? — Цзинчэнь улыбнулся и перевел взгляд на Муюня: — Ассистент Чэн, я приготовил и на вас. Давайте поедем вместе.

Муюнь ответил холодным, едва скрывающим раздражение взглядом:

— Простите, я не ем лапшу по утрам.

Затем он посмотрел на Цинь Ли и добавил:

— Президент Цинь тоже привык к сэндвичам.

Цзинчэнь изобразил крайнее удивление:

— Неужели? Сяо Ли, ты ведь всегда терпеть не мог западную кухню.

Цинь Ли хотел было по привычке забрать сэндвич с кофе и уйти, но помедлил. В памяти всплыла вчерашняя улыбка Муюня.

— Я буду лапшу. Ассистент Чэн, выброси сэндвич.

Улыбка Муюня на мгновение застыла. Он кивнул и послушно отправил сэндвич в мусорное ведро, после чего с нескрываемым удовольствием принялся за свою порцию лапши.

Стоило признать: Цзинчэнь готовил божественно. Муюнь почувствовал этот аромат еще в

гостиной. Цинь Ли оказался на редкость понятливым: ради того, чтобы не обижать свой «белый лунный свет», он велел избавиться от лишней еды.

Идеально.

Цинь Ли сделал первый глоток бульона и почувствовал, как к нему возвращается вкус к жизни.

— Сяо Ли, ну как?

Цинь Ли ответил с искренним восхищением:

— Превосходно. Столько лет прошло, а твое мастерство ничуть не померкло.

В детстве семья Цзинчэнь была состоятельной, но он обожал кулинарные эксперименты, и все друзья частенько лакомились его стряпней. Это пробудило в Цинь Ли целую лавину теплых воспоминаний.

Цзинчэнь довольно прищурился:

— Ешь, не торопись. Сколько же времени ты не пробовал нормальной лапши?

— Да я почти не ем ничего жирного или острого. Привык к диетической пище.

Цзинчэнь искренне удивился:

— Но почему? Сейчас ведь для тебя нет ничего невозможного.

— Работы много, — небрежно бросил Цинь Ли. — Обычно мой рацион составляет ассистент Чэн.

— О... — Цзинчэнь обернулся к Муюню. — Может быть, мне составить для вас список рецептов? Ничего сложного, просто привычные нам домашние блюда.

Лицо Муюня приняло крайне сложное выражение. Он взглянул на Цинь Ли, но, не встретив поддержки, неохотно кивнул:

— Хорошо. Буду признателен, господин Сун.

После чего он снова уставился в свою тарелку.

«Ну и как я справился?» — небрежно поинтересовался он у Системы.

[Зачем вы меня об этом спрашиваете?]

«Я впервые играю такого сложного персонажа. Боялся, что сюжет снова вильнет в сторону. Раз уж я так стараюсь, мне полагается премия за артистизм».

[Вместо того чтобы мечтать о несбыточных премиях, подумайте о том, как вы будете готовить. Раз уж взяли рецепты, придется соответствовать роли]

Муюнь искренне удивился: «Ты о чем? Отдам рецепты повару, и дело с концом. Если наша нынешняя экономка не умеет готовить сычуаньскую кухню, найдем ту, что умеет. В чем проблема?»

[Что?! Вы именно так всё это время заботились о быте Цинь Ли?]

После сбоя сюжетной линии Система не могла видеть записи прошлых событий и не знала деталей. Она лишь помнила, что по сценарию Чэн Муюнь должен был быть самоотверженным «подлизой», который не только сдувал пылинки с босса, но и стал ради него шеф-поваром высшего разряда.

А оказалось, что он просто нанимал персонал!

«Ну да. Я ведь не умею готовить».

[Но как же так?! В вашей роли "верного пса" недопустимо перекладывать заботу о Цинь Ли на чужие руки! Это... это в корне неправильно!]

«Послушай, я и так завален работой по горло. У меня физически нет времени стоять у плиты. Зачем тратить силы на то, что можно решить с помощью денег? Профессиональный повар сделает всё в сто раз лучше меня. Главное ведь результат — Цинь Ли накормлен и доволен. А процесс... разве он имеет значение?»

Система замолчала, осознав, что спорить с логикой Муюня бесполезно — он всё равно выкрутится. Оставалось только надеяться, что разработчики поскорее добавят новые функции контроля, иначе этот проблемный пользователь окончательно развалит весь сценарий.